

Ирина БЕЛЯЕВА

**АНГЕЛИКА МОЛНАР: ТЕКСТ, ЖАНР, СЛОВО. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВЕКОВ. МОСКВА, АЗБУКОВНИК 2022, 424 с.
ISBN 978-5-91172-221-0**

**Angelika Molnár: Text, genre, word: Studies in Russian literature of the
19th–21st centuries. Moscow, Azbukovnik 2022, 424 pp.
ISBN 978-5-91172-221-0**

Abstract

This review contains a critical analysis of Angelika Molnár's new book, her monograph entitled *Text, genre, word: Studies in the Russian literature of the 19th-21st centuries* is devoted to various texts of different eras from Pushkin's to Sorokin's, however, the focus of the study is Molnár's favorite Russian writer, Goncharov, whose work, unfortunately, rarely attracts the attention of Western researchers. In Molnár's book, the main, clearly indicated methodological principle is discursive poetics, which works well when studying intertexts within the framework of both large and small literary and historical series. Therefore, Russian literature is considered by the researcher as a single text in which the "old" is updated by the "new". The review emphasizes the significance of the monograph, which first of all offers an up-to-date interpretation of Russian classics in the context of modernity. The book will be of interest both to a professional researcher of Russian literature and to everyone who is interested in Russian culture and the Russian worldview.

Keywords: *Goncharov, Pushkin, Lermontov, L. Tolstoy, Sorokin, discursive poetics, Russian literature*

Новая книга известной в России венгерской исследовательницы русской литературы Анжелики Молнар «Текст, жанр, слово. Исследования по литературе XIX–XXI веков» (Москва, Азбуковник, 2022) является монографически переработанной версией ее трудов последнего десятилетия, посвященных изучению самых разных периодов русской словесности. Однако в центре оказывается фигура одного из самых любимых исследовательницей и самых загадочных писателей русской литературы – Ивана Александровича Гончарова, о котором, к сожалению, не так часто пишут наши европейские коллеги. А в книге А. Молнар Гончаров представлен и монографически, и в т.н. «переключках» с другими русскими писателями – Пушкиным, Лермонтовым, Л. Толстым и Тургеневым, вплоть до последних смелых откликов на Гончарова современной русской литературы, о которых можно прочитать в разделе «М.Ю. Угаров: “Смерть Ильи Ильича”», и венгерской, стиховой по преимуществу, рецепции «Обломова». И все же исследовательская палитра труда А. Молнар не замыкается Гончаровым. Перед читателем предстает практически

вся русская литература классического периода от Пушкина до Л. Толстого и Чехова в ее экзистенциальных координатах, прослеживается связь между «старым», условно, и «новым», которая во многом питает и русскую литературу постмодернизма.

Книга А. Молнар состоит из двух крупных разделов, также, в свою очередь, структурно дробящихся. Первый посвящен проблемам теоретико-методологическим, в нем речь идет о подходе к художественному тексту, который она унаследовала от своего учителя Арпада Ковача и которому А. Молнар остается верна в своей научной практике. Конечно, это достойно уважения, однако методологический фундамент исследования А. Молнар много основательнее, о чем и свидетельствуют первые главы ее книги. Но сам метод дискурсивной поэтики, метод, разрабатываемый А. Ковачем, остается для исследовательницы центральным, предполагающим особый интерес к текстуальной традиции и преемственности, к саморефлексивному текстообразованию, к «дискурсивному созиданию текста» (с. 67). И исследовательница убедительно демонстрирует, что романы Гончарова сами оглядывались в прошлое и одновременно оказывались для последующей за ними литературы объектом реинтерпретации. Вопрос текстуальной преемственности, таким образом, по мысли исследовательницы, обеспечивает сочинениям писателя своего рода живучесть, поскольку они постоянно присутствуют в общем тексте русской литературы. Это ключевой итог первого раздела, который особым образом позиционирует Гончарова как писателя, романы которого аккумулируют в себе предыдущие узнаваемые тексты и коммуницируют с последующими, что как бы предваряет научное повествование второго раздела, названного «Переключки». Собственно же сочинения Гончарова в первом разделе вполне правомерно рассматриваются исследовательницей как единый текст, который предлагает читателю свое звучание такой универсальной категории, или концепта, как «счастье», реализующегося у писателя в метафоризации привычных и новых поэтических образов природы и вещей – солнца, озера, реки, фарфора, хрусталя, двери и т.д. И эти своего рода «знаки» Гончарова будут «переключаться» с другими поэтическими реализациями концепта «счастье» в русской литературе, представленными как до, так и после Гончарова.

Второй раздел, наиболее объемный в книге А. Молнар, прослеживает литературные контексты романов Гончарова. Все начинается с демонической темы и ее репрезентации в литературе романтизма – у Пушкина и Лермонтова. Нельзя сказать, что вопросы эти были обойдены исследовательским вниманием, о чем также справедливо пишет А. Молнар, тем не менее автору книги удается найти свой ракурс, поскольку ее интересует тема демонизма не столько на уровне системы персонажей, сколько «на уровне повествования» (с. 96). И в этом плане, как это и всегда бывает в работах А. Молнар, тексты начинают раскрываться – в звуковых и смежных семантических скрещениях со строками лермонтовского и пушкинского стихотворений («Мой демон» и «Демон» соответственно). Интереснейший раздел посвящен «универсалиям страсти» и метафоре «сочинитель судеб» у Лермонтова и Гончарова.

Артистический дискурс и метафорика женской образности у Гончарова перекликается в следующих главах, посвященных Тургеневу, с размышлениями о «художнике-чиновнике Паншине» в «Дворянском гнезде» (очень интересное наблюдение А. Молнар, казалось бы, лежащее на поверхности, но как-то незамеченное тургеноведами) и лирической прозе писателя – хотя теория этого вопроса, вопроса о лирической прозе, не так хорошо разработана, не случайно и в книге «Лирическое» и «Поэтическое» иногда слышатся как синонимы. Но текстовые наблюдения и в этих главах в высшей степени интересны. Как всегда у А. Молнар, здесь читатель найдет для себя очень много неожиданных, казалось бы, открытий, и удивится их справедливой очевидности.

За главами о Тургеневым следует глава о Сорокине, что оправдано с точки зрения постмодернистской оптики. В данном случае А. Молнар интересуется метафорическая техника Сорокина-романиста. «Пародия под видом серьезного отношения к таким глубоко символическим, и, следовательно, исчерпанным явлениям, как приезд на Пасху, сновидение и т.д. – полагает исследовательница, – оборачивается <у Сорокина> в переписывание самого языка, создающего такие концепты» (с. 305-306). Все эти метаморфозы языка в романе Сорокина, который насыщает привычные концепты «новым» языком, убедительно продемонстрированы А. Молнар. В качестве текстов, которые деконструирует Сорокин, А. Молнар рассматривает не только тексты Пушкина и Тургенева, но и «Обрыв» Гончарова, что едва ли кто-то делал до нее.

Отдельного внимания заслуживают главы об интерпретации «Обломова» через стихотворные тексты венгерской литературы XX века. Речь тут идет о «стихотворном переписывании» прозаического текста, а именно текста романа Гончарова. И оказывается, согласно А. Молнар, что Гончаров только кажется нам объективным романистом, что это скорее обман, а он очень субъективен и потому открыт для «переписывания» в лирическом высказывании. Все это очень интересно и продуктивно, прежде всего для понимания писательской техники Гончарова, о которой на самом деле мы еще очень мало знаем.

Через стихотворные переложения венгерскими поэтами экзистенциальных тем, которые были затронуты Гончаровым (любопытно, что венгерская рецепция Обломова в XX веке отличается в этом плане от российской, очень консервативной по сути), А. Молнар приходит к размышлениям о Смерти – Ильи Ильича (в рецепции Угарова), Ивана Ильича (у Толстого) и врача (у Чехова). Композиционно в книге все эти разделы соединены безукоризненно и представляют собой некий единый дискурс. Да, в нем также в центре опять оказывается Гончаров – очевидно, что любимое писательское имя для исследовательницы, и тем явственнее обнаруживается, что этот русский писатель, которого преимущественно считают бытописателем, фламандцем, не заглядывающим глубоко в темы пограничные, является одним из сложнейших русских экзистенциальных художников слова.

Можно рискнуть сказать, что монография А. Молнар выявила ранее неисследованные переклички, взаимодействия и преемственность между текстами Гончарова и Лермонтова, Тургенева, Толстого и Чехова и др. В силу сочетания

внутритекстовой и интертекстуальной поэтики оказалось возможным подчеркнуть новые грани в развитии русской литературной истории.

В заключении не можем не сказать и о вопросах дискуссионных, потому что в какой, даже самой хорошей книге, их нет. Например, при всей свежести и научной открытости взгляда исследовательницы на тексты Гончарова, она иной раз сохраняет своего рода винтажные дефиниции. Справедливости ради стоит сказать, что они есть и в работах российских ученых. Так, транслируется мысль о том, что Обломов якобы принадлежал к «лишним людям», к которым его отнес еще Добролюбов, с чем решительно не соглашался сам автор романа, считавший, что «лишних людей» много, а вот «не-лишних», каким и был, по его мнению, его Обломов – «мало». Однако интересно, что и критик Добролюбов – он тоже не пользовался этой метафорой, в его статье об «обломовщине» нигде даже не упоминается словосочетание «лишний человек». Думается, что в такой ситуации исследователю нужно быть добросовестнее в том плане, что больше доверять не интерпретаторам добролюбовской статьи о Гончарове, а самой статье. И все тогда будет хорошо.

Книга А. Молнар имеет, конечно, профессиональную целевую аудиторию, но мы убеждены, что ее с удовольствием прочитают и любители русской литературы, все, кому интересно разгадывать текст, соединять и выискивать нити в единой текстовой ткани. Это увлекательное занятие, почти сродни детективному анализу. В любом случае, новая книга А. Молнар не оставит читателя равнодушным. Иногда он будет не соглашаться с тем, как исследовательница слышит текст, внутреннюю форму слова, а иногда удивляться тому, как это он раньше сам этого не слышал и даже не догадывался о звучании и соотношении слов. Эта книга для многих может стать открытием – и Гончарова, и русской литературы.

Ирина Анатольевна БЕЛЯЕВА
Кафедра русской литературы
Московский городской педагогический университет (МГПУ)
Кафедра истории русской литературы
филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
belyaeva-i@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2840-4034

